

ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ С ПОЗИЦИЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

.....

А.А. Лузаков¹

В философии категории трактуются как наиболее общие понятия, абстракции высшего уровня (материя, движение и т.п.). В психологии категоризация понимается как субъективная классификация, как процесс отнесения объекта, события, переживания к некоторому классу, типу и рассматривается в связи с процессами восприятия, мышления, воображения, образования понятий. Одно из ключевых отличий рассматриваемых нами категорий обыденного познания от научных категорий заключается в следующем. В обыденном сознании классификация предметов и образование понятий происходят на основе непосредственно наблюдаемых признаков объектов и связанных с ними переживаний. В научно-теоретическом мышлении, которое преследует цель познать сущность предмета и для этого формулирует логически непротиворечивый понятийный аппарат, статус категорий приобретают наиболее общие и значимые для данной области познания понятия.

Развиваемый нами подход к психологическому изучению категоризации связан с традицией экспериментальной психосемантики – областью общей психологии, исследующей субъективные системы значений, категориальное строение сознания и личностного опыта человека [13; 20]. Основные принципы этого подхода уже излагались нами в других публикациях, в том числе в этом журнале в статье, посвященной психосемантике личностных черт [8; 9; 10].

Проблемное поле, связанное с категоризацией, даже если ограничиться только сферой социального познания (т.е. познания личностью других людей и социального мира в целом), конечно, не исчерпывается субъективными классификациями личностных черт или имплицитными теориями личности.

---

¹ Лузаков Андрей Анатольевич – доктор психологических наук, заведующий кафедрой управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета. Эл. адрес: luan@manag.kubsu.ru

Категоризация относится к числу базовых проблем психологической науки. Более того, это понятие и стоящая за ним феноменология носят междисциплинарный характер, поскольку в том или ином ключе исследуются также в философских, социологических, филологических науках, в когнитивной науке, в работах по искусственному интеллекту. В статье речь пойдет об общих принципах, свойственных психологическому рассмотрению проблемы, и различиях в подходах между разными отраслями психологии, в частности, о специфике и перспективах исследования с позиций психологии личности. Указание на дискуссионные вопросы, выявление оснований дифференциации разных подходов к проблеме в свою очередь преследует цель показать возможность их интеграции.

В психологии до сих пор нет однозначной трактовки понятий «категория» и «категоризация». Спорным остается, например, вопрос о том, считать ли принципиальным различие сенсорно-перцептивных и мыслительных категорий. Дж. Брунер полагал, что эти различия непринципиальны [4], в реальной психике эти категории действуют в единстве. А.С. Выготский и Ж. Пиаже, занимая далеко не сходные теоретические позиции, о категориальности говорили как о свойстве только понятийного мышления [5]. Заметим, что тенденция ограничивать категоризацию лишь сферой понятий, сегодня доминирует, особенно за пределами психологических наук. В когнитивной психологии термин «категоризация» часто используется как синоним опознания, идентификации, распознавания [11; 15].

Многие психологические школы едины в том, что категории задают способы дифференциации субъектом объектов в определенной сфере реальности (например, при восприятии и оценивании людей). Но далее начинается область дискуссий. Категории – только вербальны или также невербальны? Относить к категориям только общеупотребительные дифференцировки (в социальном познании: мужчина–женщина, богатый–бедный, белый–черный, христианин–мусульманин, враг–друг и т.п., что составляет базис стереотипов) или также эклектичные группоспецифичные или индивидуализированные обобщения обыденного сознания, вербальная маркировка которых непонятна другим группам и не совпадает с известными стереотипами или общепринятыми дифференцирующими признаками?

Мы разделяем положение о том, что категории обыденного сознания представляют собой синкретические, зачастую расплывчатые обобщения, объединяющие объекты в классы по некоторым психологически значимым основаниям, в том числе эмоциональным. Эти обобщения не всегда осознаваемы и маркированы вербально, а в качестве их «строительного материала» могут выступать образы, символы [13]. Такую трактовку категорий можно считать расширительной по сравнению с другими. Понятия «категория» и «категоризация» здесь касаются и социально заданных категорий (макрогрупповых

стереотипов), и собственно личностных или личностно-групповых категорий. Подразумеваются и категории «названные» (которые чаще всего являются социально заданными и отражают конвенциональные значения понятий), и «неназванные», имплицитные, т.е. функционирующие на неосознаваемом уровне и потому не имеющие однозначного содержания и четких вербальных обозначений.

Категоризация понимается нами как процесс отнесения объекта к категории, а также как процесс преобразования существующих и возникновения новых категорий. Категоризация применительно к межличностному познанию рассматривается как базовый, собственно личностный процесс, первичный по отношению к стереотипизации, которая иногда трактуется как основной механизм межличностного познания [1]. Совокупность относительно устойчивых категорий, свойственная человеку или группе людей, образует категориальную структуру (или систему категорий), позволяющую описать имплицитную модель того или иного фрагмента образа мира индивидуального или группового субъекта.

Готовые, социально заданные категории (к ним обращаются социология, политология, социальная психология, ими же чаще всего и ограничиваются) фиксируют в первую очередь этнические, профессиональные, половые, конфессиональные, социально-статусные различия людей. Мы их считаем названными, т.е. вербально обозначенными категориями. Но этим названные категории не исчерпываются. К ним также относятся некоторые *вербально маркированные* личностные конструкты, используемые для восприятия и оценки субъектом других людей (такими маркерами могут выступать личностные прилагательные или названия неких типажей, например, «крутой», «тусовщица», «Дон Кихот» и т.п.). По содержанию такие конструкты не всегда совпадают с социально заданными, и потому фиксированные значения, взятые из словарей, даже из словарей слэнга, для психолога, пытающегося выйти за пределы анализа одних лишь общих тенденций, оказываются неинформативными.

К неназванным, имплицитным категориям, т.е. реконструированным из обыденного сознания меркам восприятия, *не обозначенным в ясных понятиях самими его носителями*, но получившим названия от психологов, можно отнести факторы общих семантических пространств (пространство Оценка – Сила – Активность Ч. Осгуда, «Большая пятерка») и частных семантических пространств, индивидуальных и групповых [10].

Категоризация, обеспечивая избирательное отражение свойств объекта познания, может происходить на допонятийном уровне [2; 4; 13; 20], что основано на явлении синестезии. Все больше экспериментальных данных говорит в пользу того, что категоризация не всегда идет с опорой на вербальное обозначение. Более того, использование символов может ослаблять влияние сформированных ранее вербальных ярлыков [26]. Таким образом, можно выделить

категории вербальные и образно-символические, а категориальную систему субъекта характеризовать по преимущественной параметричности – метафоричности (вариации этого параметра обусловлены также ситуацией). В первом случае окружающие оцениваются субъектом преимущественно по набору черт (такой способ, привычный для психологов-исследователей, не так часто используется обыденным сознанием). Во втором – путем соотнесения с целостными типажам, стереотипами, эталонами и другими значимыми образами (знакомых, персонажей запомнившихся историй, книг, фильмов), которые в свою очередь актуализируются по хранящимся в памяти субъективно значимым фрагментам (поведенческий «рисунок», элемент внешности, одежды).

Категории могут быть не только биполярными, но и униполярными. Это демонстрируют не только психосемантические эксперименты. В русле других исследовательских традиций некоторые психологи не рассматривают биполярность в качестве универсального принципа категоризации. В мышлении современного человека выделяются однопольные смысловые конструкты, для которых характерно отсутствие семантических оппозиций. Имеется в виду не то, что человек не может подобрать антоним к какому-то понятию, а то, что «в его смысловой сфере то или иное содержание смысла переживается как единственно существующее... не противопоставленное какому-то иному содержанию» [16, с. 158].

По значимости ситуации/объекта познания мы различаем категоризацию центральную (проявляются обобщенные базовые конструкты-категории, центральные образования категориальной системы личности) и периферическую (малозначимые, вариативные конструкты); по роли влияния извне – собственную и навязанную (спровоцированную, например, собеседником, оратором, СМИ).

Категоризация может идти с разной степенью осознанности и внутренней активности субъекта. То, насколько субъект готов вкладывать силы в «работу» категоризации, преодолевая автоматизмы, определяется не только значимостью ситуации, но и его характерологическими чертами и собственно личностной регуляцией (мотивационной направленностью, принятием или неприятием субъектной позиции). По степени осознанности категоризация может быть неосознаваемая, отчасти осознаваемая (например, по стереотипам) или рефлексивная, когда идет перебор категорий, их «примеривание». При этом категоризация, происходящая автоматически или в состоянии аффекта, отличается от той, которая происходит, когда субъект мотивирован понять другого, готов принять мысль о его своеобразии и способен рефлексивно соотнести качества познаваемого объекта со своими познавательными привычками и ценностями. Ограниченность социально заданных, стереотипных, привычных категорий в этом случае осознается субъектом с большей вероятностью. Уровень ценностной регуляции, который также можно назвать субъектным,

если он свойствен личности, приводит к возможности почти одновременной категоризации в разных системах координат. Субъекту познания другой человек может быть очень неприятен (актуализируется глобальный фактор-категория «Оценка» по Ч. Осгуду), но одновременно субъект бывает способен оценить другого с точки зрения иных критериев, культурных норм, абстрагирующих его непосредственные переживания.

Категоризация связана с актуализацией личностных смыслов. В числе устойчивых смысловых образований личности, помимо личностных ценностей и смысловых установок [3], некоторые авторы выделяют смысловые конструкции. Они представляют собой устойчивую категориальную шкалу, выражающую значимость для субъекта определенной характеристики (параметра) объектов и явлений действительности (или отдельного их класса) и выполняющую функцию дифференциации и оценки объектов и явлений по этому параметру, следствием чего является приписывание им соответствующего жизненного смысла [7].

Многие из названных видов категорий и факторов категоризации невозможно изучать только на общепсихологическом уровне, без обращения к личностной специфике индивидуального или группового субъекта познания. Тем самым становится очевидной необходимость обращения к проблеме с позиций психологии личности.

Но сначала вернемся к более традиционным подходам. Большинство психологических исследований, в которых использовался термин «категоризация», было посвящено социально заданным вербальным категориям. С категоризацией чаще связывают процесс понятийной переработки информации. Согласно одному из современных и достаточно типичных определений категория – это совокупность двух или более обособленных объектов, объединенных общностью трактовки. Термин «понятие» при этом объявляется синонимом «категории» [6, с. 154]. Такую трактовку мы считаем упрощением. И это упрощение во многом обусловлено тем, что традиционно категоризация рассматривалась только на уровне сознания. Несознаваемые аспекты категоризации стали объектом внимания сравнительно недавно.

В отечественной психологии важную роль сыграло продвижение в психологической трактовке понятия «значения». Для Л.С. Выготского, считавшего основной образующей сознания значение, синонимом осознанности выступала системность организации значений, возможность переформулировок содержания высказывания, выражения одних значений через другие. В современных работах, с одной стороны, справедливо утверждается, что значение может существовать не только в форме слова, но и визуального символа, чертежа, схемы, ритуального действия, танцевального па, общепринятого жеста или мимического выражения [13]. С другой стороны, абсолютное большинство примеров, экспериментальных фактов и аргументов психологов построены на

обращении к вербальным значениям, к понятиям. Бесспорная связь «понятие – осознание» незаметно переносится на другие формы функционирования значений, связь которых с сознанием не так однозначна (многое зависит и от того, как трактовать само сознание). В.Ф. Петренко утверждает, что в той мере, в какой любой психический процесс опосредован значением, он является «потенциально осознаваемым» [13, с. 15]. Слово «потенциально» здесь не случайно. Ясно, что многие, особенно быстрые, решения принимаются человеком с опорой на неотрефлексированный в понятиях образ объекта, ситуации, т.е. можно сказать, что такой образ возникает на субсознательном уровне. И это показывает ограниченность трактовки категоризации только как осознаваемого вербализованного процесса. Являясь средством описания действительности, сами значения могут не осознаваться как таковые. Для осознания значения необходимо выражение его в системе других значений [13, с. 34].

«Готовые», эксплицитные, социально заданные категории активно исследуются в социальной психологии [14; 21]. В психологии социального познания, традиционно считающейся разделом социальной психологии, изучалось в основном отношение воспринимаемого человека к таким категориям (негр, американец, студент и т.п.), что является механизмом актуализации социальной установки, стереотипа [18; 23; 24; 26]. Категоризация именно в таком понимании лежит в основе когнитивных трактовок социальной идентичности личности. Согласно Г. Тэжфелу и Дж. Тернеру, категоризация – основной из механизмов, объясняющих психологическую природу отношений между группами людей, в том числе межгрупповую дискриминацию [27]. Мы категоризируем объект в соответствии с тем, какие категории нами приняты для категоризации социальной среды вообще.

Анализируя использование категоризации для объяснения межгрупповых отношений, социальный психолог И.Р. Сушков называет ее «фундаментальным свойством социальной системы» [17, с. 255]. Категоризация в этом случае понимается как процесс, упорядочивающий индивидов таким образом, который способствует стремлению социальной системы к самосохранению и развитию и приобретает личностный смысл для индивидов, эту категоризацию производящих [17, с. 268]. Она играет группообразующую роль, когда она не просто предъявлена индивидам извне, а когда она принята этими индивидами и превращается в самокатегоризацию.

В будущих исследованиях категоризации, осуществляемой конкретным субъектом в конкретной социальной среде, закономерности межгрупповой и внутригрупповой категоризации, обнаруженные социальными психологами, должны быть интегрированы с достижениями психологии личности.

В когнитивной психологии личности проблемы категоризации обсуждались тоже преимущественно в связи с теми категориями, которые мы относим к названным. Создание и использование категорий рассматривается как ес-

тественный способ упрощения мира. Некоторые авторы считают избирательность внимания еще одним таким способом. Сосредотачиваясь на задаче, мы фокусируем внимание на информации, имеющей отношение к делу, и отгораживаемся от другой информации [12]. Но спрашивается, как мы определяем, какая информация относится к делу, а какая нет? Очевидно, благодаря первичной неосознаваемой категоризации.

В общей, когнитивной психологии и психологии личности распространено понятие когнитивной схемы. Схема – это когнитивная структура, которая организует информацию и тем самым влияет на то, как мы воспринимаем вещи, людей, события и как на них реагируем. Различие между категорией и схемой можно трактовать в зависимости от того, как понимаются та и другая. Те психологи, кто отождествляет категории с понятийными классами, сутью категории считают содержание и объем понятия, т.е. то, *что* обобщено и представлено в категории. Тогда схема выступает *формой* данного обобщения и его результатом. Формой представления схемы чаще всего выступает кластерное дерево, отражающее иерархическую классификацию. Она показывает, *как* иерархически организовано знание о понятии/категории, как сгруппированы по уровням элементы, его образующие. Но такого рода схемы применимы скорее к научным представлениям, в обыденном сознании они встречаются нечасто. Еще Дж. Келли показал, что конструкты личности организуются в самые разнообразные структуры, далеко не всегда иерархические [25]. Поэтому мы считаем термин «категориальные структуры» более предпочтительным, чем «схема». Если же схемы трактовать более широко [19], то категориальные структуры можно считать их разновидностью.

Возвращаясь к видам категорий, отметим, что их также целесообразно различать по объекту познания. Выделяют категории восприятия физических объектов, категории для описания ситуаций, категории для описания людей. Конечно, возможны классы на пересечении названных. Так, мы чаще всего воспринимаем не людей как изолированные объекты, а «людей в ситуации». Категории для описания людей изучаются на уровне всеобщего (теории черт), особенного (группоспецифические конструкты-категории) и на уровне единичного (личностные конструкты конкретного субъекта). Психосемантика в основном оперирует групповыми матрицами данных, вскрывая специфику категорий конкретных групп людей.

Имеются отличия категоризации при восприятии людей и нелюдей (физических объектов, животных), при работе испытуемых с понятиями «личностными» и «объектными». Личностные понятия с гораздо меньшей вероятностью, чем объектные, организованы иерархически. Вопреки принципам иерархической классификации понятия одного и того же уровня могут одновременно относиться к одному и тому же человеку. Например, некто может одновременно категоризоваться как экстраверт, как эмоционально нестабиль-

ный человек и как культурный человек, открытый новому опыту. Здесь обыденная категоризация не противоречит научной, поскольку три названных признака относятся к Большой пятерке черт, которые в психологии принято считать независимыми друг от друга. Поэтому вместо иерархических классификаций объектов социального познания по принципу кластерного дерева и кластерного анализа как метода их получения целесообразней использовать принцип нечетких множеств и клаик-анализ (анализ клик). Это позволяет получить такие классы объектов, которые допускают принадлежность одного объекта сразу к нескольким классам, что, безусловно, ближе реальным процессам субъективной категоризации. Еще одно отличие личностных понятий связано с большей неопределенностью включенных в них признаков, свойств. Например, предполагается, что понятие «экстраверт» включает такие свойства, как уверенность, самонадеянность и т.п., но эти характеристики гораздо более абстрактны и неопределенны, чем свойства большинства объектных понятий, которые достаточно очевидны (например, круглый, твердый и т.п.).

В социальном познании вероятность автоматического использования субъектом «готовой» категории (чаще это стереотип, навязанный социумом) повышается в ситуациях недостатка времени, мотивации или когнитивных способностей. И, наоборот, познавательная мотивация снижает вероятность использования стереотипов. Чаще всего выделяют две группы мотивационных факторов, влияющих на активацию категорий: актуальные цели субъекта (текущая мотивация) и его общие диспозиции. Что касается диспозиций, очевидно, следует различать влияние на категоризацию, с одной стороны, привычных способов познания и поведения (аттитюды, черты характера) [22], с другой – собственно рефлексивной работы личности. Во втором случае речь идет о моментах ясного осознания и желания понять, объяснить другого человека и конкретную ситуацию. По склонности и способности преодолевать «автоматическую» категоризацию имеются существенные индивидуальные различия.

Излагаемый здесь подход к категоризации указывает на преимущества реконструкции *комплексных* познавательных категорий перед такими распространенными приемами, как выявление списков одномерных конструкторов и тем более использование навязанных исследователем шкал-дескрипторов без прояснения их фактической структуры в сознании конкретной группы респондентов. Психологам давно известно, что первичные дескрипторы (шкалы, вопросы), предлагаемые испытуемым, могут на основе интеркорреляций сворачиваться в более компактные структуры (классические примеры – факторные модели личности Р. Кеттела, Г. Айзенка и семантическое пространство Ч. Осгуда). Но дело не только и не столько в возможностях факторного анализа. Напомним, что категории – это не только конвенциональные значения с более или менее однозначно понимаемым содержанием. Это основание раз-

личения, классификации познаваемых объектов, функционирующее *во взаимодействии* образов и понятий, перцептивных дифференцировок разных модальностей и операций мышления. Даже если иметь в виду только *вербальные* категории (верхушку айсберга категоризации), то их действительное психологическое содержание может быть отражено только через *сложносоставные* комплексные конструкты, «пучки» или «букеты» семантических признаков, каждый из которых привносит оттенки в общую семантику такого «пучка». Очевидна тщетность попыток найти в каждом случае исчерпывающее название такому «пучку» признаков, что, конечно, затрудняет интерпретацию экспериментально полученных семантических пространств (и тем самым отпугивает многих начинающих психологов). Название такого «пучка» признаков, даже если это не просто конвенциональный маркер для других, а используемое самим испытуемым *название «для себя»* (такие названия выявляются, например, в репертуарных тестах Келли методом триад), – это еще не категория. Это условное понятийное обозначение категории, по которому трудно судить о действительном, *работающем* ее содержании.

Приведем пример, иллюстрирующий, что комплексные конструкты-категории адекватны задаче описания и объяснения «странностей» категоризации, не подчиняющейся формальной логике одномерных противопоставлений. В нашем исследовании, посвященном восприятию читателями шрифта газетных заголовков [9], с помощью психосемантической реконструкции (использовалось 30 биполярных шкал «осгудовского» типа и 10 образцов шрифта в одном и том же газетном заголовке) была выявлено, в пространстве каких факторов-категорий у респондентов складывается впечатление от шрифта как элемента газетной формы. Из пяти обнаруженных факторов второй был интерпретирован как «*Необычность – обычность, простота*». На одном полюсе этой комплексной категории необычность, сложность шрифта ассоциировались у респондентов с новизной, яркостью, уникальностью, с чем-то интересным, веселым и даже смешным, но в то же время – с «ошибочностью» (возможно, как ненормативностью) и беспорядочностью. А простой, обычный, серьезный и правильный шрифт одновременно виделся им как скучный, старый и ограниченный. Только *совокупность* названных семантических оттенков дает возможность не столько рационально понять, сколько почувствовать содержание такого *сложносоставного* основания различения объектов. Это основание категоризации напоминает известный «эффект карнавала» (М. Бахтин), когда ненормативность, неупорядоченность вдруг на время становятся одобряемыми, а все нормативное и правильное считается неуместным. Поэтому позитивный полюс данного фактора можно было точнее определить как «карнавальную необычность».

Есть и другие признаки, определяющие специфику исследования проблемы категоризации с позиций психологии личности в сравнении с общепсихологи-

ческим, когнитивистским, социологическим и психолингвистическим подходами. В частности, наш подход обращается к возможным функциям категоризации для личности с учетом индивидуально-типологических различий ценностно-мотивационной направленности и характера. Это, во-первых, поддержание Я-концепции, самооценки, идентичности через создание возможности приписывания определенных черт партнерам по общению и себе (один из категориальных механизмов, обеспечивающий такое приписывание, – прямое и обратное сцепление в семантическом пространстве фактора моральной оценки с фактором активности, адаптированности) [8]. К стабилизирующим функциям также относятся: поддержание привычных стилевых стратегий, обусловленных темпераментом и характером; консервация, подтверждение ценностей; снятие или смягчение когнитивного диссонанса. Во-вторых, категориальные структуры, их изменение могут, напротив, способствовать нарушению гомеостаза, личностному развитию через создание и разрешение противоречий в поле представлений Я – Другой – Другие. В-третьих, личностный подход к категоризации указывает на возможность такого развития, когда категориальный ресурс субъекта может обернуться негативной стороной (негативные последствия растущих возможностей): увеличение размерности семантического пространства без соответствующей поддержки со стороны ценностно-смысловых структур ведет к уменьшению определенности критериев оценки, конфликту мотивов, блокировке деятельности. Перечисленные функции доступны для анализа при условии раскрытия диалектических взаимосвязей между особенностями когнитивного структурирования субъектом реальности и ценностно-мотивационными образованиями личности. Основания, виды таких взаимосвязей и принципы их анализа предложены нами в когнитивно-мотивационной концепции субъективной категоризации [8]. Способ видения и оценка того или иного явления индивидуальным и групповым субъектом социального познания рассматривается в ней как результат сложного взаимодействия категориальной и ценностно-мотивационной систем. В этом случае психолог изучает не категориальную структуру, не познавательные конструкты сами по себе, а именно субъекта категоризации.

Почему одному субъекту важно определить место других на категориальной оси «добросовестность–безответственность», второму – на оси «тактичность–бестактность», а третьему – «уверенность–неуверенность»? От чего зависит, как именно одиночные конструкты (названия черт или описания поведения) связываются друг с другом в сложносоставные, комплексные категории? Известно общее положение о том, что приписывание черт другим людям в значительной степени зависит от собственных черт субъекта познания. В познаваемых людях он обычно лучше дифференцирует и определяет как ключевые те черты, которые соответствуют собственным чертам и направленности ценностных ориентаций субъекта либо воспринимаются как противоположные им. В нашей концепции это учитывается, но лишь как тенденция,

не объясняющая всех случаев. Установлено также существование нелинейных динамических закономерностей, согласно которым похожие характеристики категориальной системы субъекта познания могут сопутствовать качественно различным ценностно-мотивационным паттернам и наоборот.

Если психолога интересует не «усредненная» система координат межличностного познания (каковой, например, является Большая пятерка черт), а специфика категоризации, свойственная личностям с разной ценностно-мотивационной направленностью и чертами характера, то адекватным задаче является личностно-типологический подход. Исследования специфики системы познавательных категорий, обусловленной диспозициями личности, только начинаются. Один из предлагаемых нами принципов таких исследований – сочетание психосемантического описания субъективной системы категорий личности и психометрического описания ее диспозиционных структур. Здесь используется принцип дополнительности. Психометрика диспозиционных структур отражает в большей степени то, что человек знает, думает *о себе*. В случае же психосемантической реконструкции он характеризует *Других*, но через это неосознанно характеризует себя, приоткрывая особенности своего видения мира на данном этапе жизни.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 1997.
2. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. М.: Наука, Смысл, 1999.
3. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, ИЦ «Академия», 2002.
4. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2008.
6. Лайенс Ж.-Ф., Дарден Б. Основные концепции и подходы в социальном познании // Перспективы социальной психологии: Пер. с англ. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
8. Лузаков А.А. Личность как субъект познания: категоризация при восприятии другого человека. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007.
9. Лузаков А.А. Как мы воспринимаем шрифт газетного заголовка: психосемантика читательского впечатления // Человек. Сообщество. Управление. 2002. №2.
10. Лузаков А.А. Психосемантика личностных черт: нормативный и сравнительный подходы // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №3.
11. Найссер У. Познание и реальность. М.: Наука, 1980.
12. Первин Л, Джон О. Психология личности: теория и исследования М.: Аспект Пресс, 2001.
13. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.

14. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
15. Солсо Р.А. Когнитивная психология. М.: Тривола, 2002.
16. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983.
17. Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. М.: Академический проект, ИП РАН; Екатеринбург: Деловая книга, 1999.
18. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2001.
19. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та; М.: Барс, 1997.
20. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб: Речь, 2002.
21. Штребе В., Джоунас К. Принципы формирования установок и способы их изменения // Перспективы социальной психологии. М: ЭКСМО-Пресс, 2001.
22. Endler N.S. The interface between personality and cognition // European Journal of Personality. 2000. №14.
23. Cantor N., Mischel W. Prototypes in person perception // Adv. Exp. Soc. Psychol. 1979. №12.
24. Crisp R.J., Hewstone M., Rubin M. Does Multiple Categorization Reduce Intergroup Bias? // Personality & Social Psychology Bulletin. 2001. Jan. Vol. 27. Is. 1.
25. Kelly G.A. The Psychology of Personal Constructs. N.Y.: Norton, 1955.
26. Macrae C.N., Bodenhausen G.V. Social cognition: thinking categorically about other // Annual Review of Psychology. 2000. Vol. 51.
27. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior// S. Worchel & W.G. Austin (Eds.). Psychology of intergroup relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986.